

И. Ф. Наживин

Мужики Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н18

Н18 **Наживин И.Ф.**
Мужики Часть 1 / И. Ф. Наживин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 304 с.

ISBN 978-5-519-16354-5

Собрание сочинений И. Ф. Наживина.

ISBN 978-5-519-16354-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МУЖИКИ

ПРОЛОГ

Есть в серединной России, в древней окшинской земле, холмистая и лесистая местность, которая исстари Баглачевым зовется. Глубокой стариной дышит этот красивый русский край. Выйдешь на высокий холм, на „Пантюки“, что над деревней Раменье стоит, — вдали чуть сверкают золотые главы древних соборов Окшинска, еще помнящих злые времена татарщины, которая вписала тут не одну страшную страницу в историю Земли Русской. Поправее Окшинска, в сторону Нижнего, раскинулись старинные села Красное и Доброе, знаменитые боями своими кулачными: и до сих пор любят красноселы да доброселы „стенкой на стенку“ выходить и тешить душу молодецкую в зубодробительстве и членовредительстве чрезвычайном. А за Красным селом, среди лесов, чуть-чуть виден в синей дали старинный монастырь Покрова Пресвятыя Богородицы или попросту Покрова-на-Окше. Ближе к Пантюкам, в зеленой Окшинской пойме прячется глухое и жуткое „Пловучее озеро“. На нем при малейшем ветерке от берега к берегу плавают огромные кочки, поросшие не только травой, но и деревьями. По преданию, это „короба“, в которых были засмолены и брошены в озеро убийцы князя Всеволода Окшинского. И часто чутко настроенное ухо окшинца слышит из этих коробов глухие и тяжкие стоны убийц, и тогда испуганно крестится он и торопливо удаляется от жуткого озера прочь. Еще по правее, уже по сю сторону Окши, тихо светится из-за

темной, зубчатой стены лесов крест на погосте во имя св. Бориса и Глеба, сыновей Володимера Красна Солнышка, убиенных родным братом их, Святополком Окаянным. А за ним серой лентой уходит в синие дали широкая, когда-то страшная владимирка, по которой под переливчатый звон цепей шли некогда в Сибирь длинные караваны кандальников. Теперь опустела владимирка и вся поросла цветами: смолевкой малиновой, нарядными звездами поповника, золотым лютиком, сухим погремком, буйными зарослями пунцового Иван-чая, а по осени и золотой пижмой, которую дикой рябиной зовет народ. Левее Окшинска бежит зелеными лугами в Окшу светлая речушка Колокша — на берегах ее не раз и не два кроваво бились окшинцы с врагами земли окшинской: татарами и новгородцами.

Серые деревеньки, разбросанные по этим лесам и полям, большею частью, невелики — редко больше сорока дворов. А есть и в десять изб и даже в пять. Местами виднеются села с беленькими колоколенками, которые, как свечечки, тепло освещают эти безбрежные синие, немножко угрюмые лесные дали. Окша серебряной лентой вьется по пышным поемным лугам и непролазным поймам с тысячью озер больших и малых и многими „старрицами“, и то разливается широкими плесами, то играет и шумит на мелких перекатах, то темнеет тихими и глубокими омутами, в которых таятся и водяной, и русалки, и тяжелые сомы, „Дворянских гнезд“ на Баглачеве и в старину было немного, да и те, что были, почитай все с освобождением крестьян на нет сошли. Крестьяне тут были, большею частью, государственные и землей при освобождении наделены были щедро. Не зная крепостного гнета, баглачевцы жили без озлобления, вольно и хозяйничали кто как хотел, придерживаясь дедовских обычаев, однако. А так как Москва Белокамен-

ная была не за горами, то некоторые, побойчее, ходили исстари в нее на зáработки, по строительной части больше: плотниками, каменщиками, штукатурами, малярами, а какие повострее, те и в прикашики выходили, а то так даже и сами подрядчиками становились. С виду были баглачевцы мужики как мужики — рай* только чуточку пофорсистее да поразвертистее других. Но удивительно: в целом ряде семей с изумительной цепкостью держится до сей поры тип чуди белоглазой с ее широкими скулами, маленькими, недоверчивыми, всегда на - стороже глазками и светлыми, как лен, волосами. И большею частью, и характер этих потомков чуди замкнутый, немножко угрюмый, лесной, и упрямы они, и мстительны, и злы. А славяне, русые, с голубыми глазами, те веселее смотрят на мир Божий, общительнее, бойчее и за словом бойким, метким, в карман не лезят, и часто так припечатывают, что только держись!..

Как - то раз, по утру, летом, вскоре после того, как англичанка с французом нас где - то на теплых водах потрепали маленько и пришла воля, и закипела вся Русь из края в край новой жизнью и новыми делами, неожиданно, нежданно, как снег на голову, приехали в Баглачево господа в картузах с кокардой казенной и стали по лесам да болотом лазить, землю мерить да все что - то в книжку писать. А потом вскоре мужиков со всех деревень видимо - невидимо согнали, леса стали валить вековые, канавы глубокие копать, диковинные мосты наводить. А потом, чрез год либо два, глядь - поглядь верстах в восьми от Раменья — с Пантюков тоже ее видно — насыпь желтая протянулась, четыре ряда рельцов железных легли по ней, а потом, вскоре, гремя, свистя и застилая леса, поля и деревни белым паром, первая машина пробежала. Весь лесной люд, от

* Разве.

мала до велика, выходил на чудо чудное дивиться. Старики старые видели во всем этом штуки антихристовы и ждали от машины бед всяческих. Из одного села — Богослов прозывается — вышли ей, проклятой, навстречу даже с иконами, в надежде, что дьявольское навождение не выдержит ликов святых и рассеется, как дым. Но оно не только не рассеялось, а, наоборот, чуть было не передавило всех. Старики прямо не знали, что и думать: во-истину, последние времена пришли!

И многих втянула машина эта самая в новые дела и навеки оторвала от истощенных — греха таить нечего — неумелыми пахарями пашен дедовых, и закрутила, и унесла в чужую дальнюю сторонушку, так, что и следу их не найти. Но большинство все же связи с родной деревней не порывало и стариков своих не забывало, и, когда полагается, писали они домой письма „в губернской горат в Окшинск, на Большую улицу, на постоянный двор Трындиных а вас просим передать соказияй вдеревню такую-то. “ Когда письма эти доходили по назначению, — это случалось не часто — то была у домашних большая радость: уж очень красно да жалостно писал сынок - добытчик. „И дражайшему родителю нашему Ивану Васильичу и дражайшей родительнице нашей Авдотье Ефимовне слюбовию посылаю niskой поклон и прошу их родительскова благословения навеки нерушимова, и всем любезным братцам нашим и сестрицам шлю по niskому - по поклону, а дела наши идут слава Богу хорошѣ “ Письма эти перечитывались не раз и не два, а потом старики бережно свертывали их и клали за богов.

На большие праздники добытчик часто и сам домой приезжал. Батюшки, что удивленья тогда в деревне было, что аханья!.. В черном спинжаке, в сапогах с набором, — как огонь горят! — при цепочке серебряной,

расчесанный да напомаженный — ну, чисто вот бари, чичас провалиться! На Святой выставлял гость городской мужикам четверть вина „с приездом“ и они ему ура кричали — с тех пор, как за Окшей чугушка прошла, они всегда кричали ура, когда получали на водку.

И, разгулявшись на деревенском раздолье, опять по машине доbytчик уезжал в чужу - дальнюю сторонушку, но в письмах попрежнему просил он у стариков их родительского благословения, на веки нерушимого, и посылал с любовью низкой поклон всем своим сродственникам. А потом, глядишь, и патрет свой пришлет: стоит эдак браво, локтем на тунбу какую - то облокотился, а по жилетке это цепь распущена. Над патретом ахала вся округа и, глядя на все это великолепиие, не одна молодая голова туманилась сладкой мечтой о стране обетованной, где, как сказывают, не знают кровавых мозолей на руках, а все только кофий пьют да с девочками по паркам разгуливаются.

И все больше и больше тянулось народа в далекие города на добычу, чтобы долю свою там сыскать. Несметными артелями и в одиночку валили мужики и в Москву, и в Питер, и в степи донские, и в далекую Сибирь — там шоссе на тысячи верст проводить, там чугушку ладить, там города новые строить, заводы, элеваторы, соборы. Но не всем, знамо дело, везло на чужбине. Тому, глядишь, руку на фабрике оторвет, у того нос от болезни французской провалится, а к тому чохотка злая привяжется: и кашляет, и исходит кровью, и, глядишь, несут его прежде времени на погост к Борис - Глебу. Но таких павших в жизненном бою словно не замечали, а всякий по удачникам равнялись норовил. И шли, шли, шли — из лесов дремучих, из болот зыбучих, из степей бескрайных, глухих, шли робкие, неумелые, но настырные, с аппетитами крепкими, шли

в лаптках липовых, с сумочками холщевыми, с Подож-
ками ореховыми, шли на голод, на холод, на унижение
всяческое, на всякую муку, падали, вставали и опять
шли, шли, шли. .

МУЖИКИ

I.

— Едут! — крикнул в окно Кирюшка, статный паренек лет двадцати с едва пробивающимся пушком на красивом, задумчивом лице.—Слышишь, что ли, матушка?

— Слышу, слышу — отвечала из избы тетка Авдотья, крепкая, загорелая, небольшого роста баба с железным лицом, возившаяся около печи. — Клиневна, возжайся попроворней с самоваром - то.

— Готов, подаю. — отвечала Клиневна, худая, бледная, точно прозрачная баба лет сорока с небольшим. — Сама заваришь, матушка?

— Сама, сама. Вы ведь полчайника навалить готовы, вам что. А за его по рублю восьмигривен берут. Где сковородка - то?

К просторному и крепкому двору Паниных подъехал запряженный добрым буланым мерином новый, крепкий, на железном ходу тарантас, в котором сидел сам Иван Панин, плотный, ладный мужик с красивой белокурой, с проседью бородой „на два посада“ и ясными голубыми глазами, и его сын Микита, за которым он ездил на станцию, парень лет двадцати пяти, крепкий костью, худощавый, ловкий, с красивым лицом, черными вьющимися волосами и смелыми, соколиными глазами. Одет он был по городскому, во все новое, с иголки. Он долгое время жил в Москве в слесарях, а теперь на побывку домой приехал.

На звук колес к воротам выбежала хозяйка, тетка Авдотья, Прокофий, старший сын, здоровый, тихий, с простинкой мужик, похожий на отца, его милосидная жена Маша, за юбку которой цеплялись двое малышей, красавица Вера, младшая дочь, девушка лет семнадцати, с нежным овалом лица и прелестными голубым глазами, из которых точно смеялось и нежило, и грело внешнее небо, и Матрена, старшая дочь, крепкая, как железо, пышущая здоровьем, с тупым, замкнутым лицом и большим животом.

— Милости просим, милости просим. — слышались ласковые приветствия. — Хорошо ли доехал? Что, словно похудел маленько? Ну, ничего, отъешься на деревенских - то харчах. Иди, родимый, иди.

Ребята и подростки, сбежавшиеся со всей деревни, так и лезли под ноги.

— Ах, ободрало бы вас, суки-стервы! — воскликнула вдруг тетка Авдотья. — Куды лезете? Пошто? Вот возьму я аршин* да аршином - то вас, лозой - то! Ишь, лезут.

Ребята, как воробьи, так и разлетелись: тетки Авдотьи они боялись пуще огня.

— Я ва-ас!.. — грозила она им вдогонку. — Иди, родимый, иди Легонько, не споткнись, тут порог.

Кирюшка ввел Буланчика за повод на двор и передал его Курне, работнику, низкорослому, крепкому мужику с круглым, желтым, без всякой растительности лицом и провалившимся от сифилиса носом, и побежал в дом, где в сенцах уже фыркал у рукóмойника Микита. Вера с прелестной улыбкой стояла около, держа в руках чистое, ею самой вышитое полотенце.

Скоро вся большая семья Паниных сидела уже вокруг огромного самовара в чистой горнице, тесно устав-

* Аршин — прут, годовой побег — осталось в окшинском крае от татарского владычества.

ленной в переднем углу иконами старинного суздальского письма с пахучими лампадками и запыленной вербой. Бледная, прозрачная Клиневна, вдова старшего брата Ивана, и миловидная, вся какая-то круглая Маша прислуживали, подавая то звонко ворчащую свинину на огромной черной сковороде, то пышные, поджаристые палишки, то кринку ароматного топленого молока с румяными пенками, то душистые, тяжелые, белоснежные ломти сот с золотым подтеком.

— Кушай, родимый, кушай. — угощала сына тетка Авдотья. — Поправляйся. Некупленное, свое. Я вас, суки-стервы! — прикрикнула она в окно, где на завалинке карячились, стараясь заглянуть в окна, ребятишки. — Ишь, ободрало бы вас, лезут!.. Вот я вас лозой!.. Кушай, кушай, соколик.

Семья Паниных была крепко спаянная, трезвая, в работе неутомимая. С ранней зари до поздней ночи Панины дружно и цепко работали — мужики под руководством самого Ивана, бабы — под присмотром строгой тетки Авдогьи, которая за словом в карман не лазила и в случае нужды могла взяться и за сковородник. И результат этого дружного, цепкого труда был на лицо — дом Паниных был полной чашей.

Тетенька Авдотья сызмальства приучала девочек своих к хозяйству, причем за звонким подзатыльником она никогда не стояла, а дяденька Иван обязательно отдавал мальчишек, как подходили года, в ученье к дьячку Панфилу на погост Борис-Глеба. И Панфил за целковый или два да за горшок каши, который обычаем требовался, обучал их читать и даже маленько писать; считать же и сам учитель не больно горазд был и в случае нужды прибегал, как и все баглачевцы, к помощи „бирки“, то-есть, палки с нарезками.

Земли у Паниных было шесть душ, а на душу у

раменцев, бывших государственных, было не меньше десяти десятин. Кроме этих пятидесяти десятин наделной земли у Паниных была и „потомственная“: десятин с десяток заливных лугов по Окше да десятин двадцать ясу под самой деревней. А кроме всего этого они из всех сил стремились ко всякому ремеслу: сам Иван был в старину недурным плотником. Теперь, благодаря разрастающемуся хозяйству, отлучаться на сторону ему было уже несподручно и он обучил этому делу старшего сына, Прокофья. Второй, Микита, был порядочным слесарем, а третий, Кирюшка, обучился недавно портняжить. И потому, в то время, как другие мужики зимой брюхо на печи парили, у Паниных сложа руки не сидели. Сам Иван к тому же пчел водить умел и скотом при случае приторговывал. Больно хотелось бы ему к „косному делу“* притрафиться, „в косы ходить“ — большие деньги заработать можно. Да очень уж жизнь беспокойная. А молодых пустить — закружатся. В кубышке про черный день у Ивана кое-что уже было отложено и на всех трех сыновей он загодя „фитанец“ у Миколая Андреича, „прогорелого барина“, купил, чтобы не служить им в солдатах. Хотя фитанец этот самый денежек тоже стоил, ну, за то, по крайности, не избалуются ребята по казармам этим самым поганым**.

Тетенька Авдотья была строгой и экономной хозяйкой и не проходило дня, чтобы у нее на этой почве не вышло с Иваном стычки. Иван любил, чтобы все хорошо

* Торговля косами и серпами в развоз.

** Помещик, недовольный кем-нибудь из своих крестьян, всегда мог при крепостном праве отправить неугодного ему раба в воинское присутствие, от которого он получал зачетную квитанцию, которую мог потом продать — за хорошую цену — всякому не желающему служить в военной службе. Автор знал случаи, когда эти квитанции — по-окшински „фитанец“ — продавались по пятнадцати тысяч рублей и дороже. Но это было тогда, когда с уничтожением крепостного права и введением всеобщей воинской повинности таких квитанций оставалось на руках уже немного.